

Научная статья

УДК 94(47)“189/190”:314.58(09)

DOI: 10.32516/2303-9922.2023.45.7

Брачность в уездных городах Пермской губернии на рубеже XIX—XX вв. по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Наталья Борисовна Кончаковская^{1,2}

¹ Исторический парк «Россия — моя история. Свердловская область», Екатеринбург, Россия, natalia_konchak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7619-5631>

² Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены особенности брачности жителей уездных городов Пермской губернии: Перми, Екатеринбурга, Ирбита, Кунгура, Шадринска, Камышлова и др. По материалам Первой переписи населения Российской империи 1897 г. определены и сравнены численность и доли населения брачного возраста (15 лет и старше), никогда не вступавшего в брак, состоявшего в браке, вдовых и разведенных. Рассчитан средний возраст вступления в брак (SMAM) мужчин и женщин по городам и уездам. Выявлено, что значительное число одинокого населения проживало в Перми и Екатеринбурге, доли холостых и незамужних различались по городам, но были выше, чем в уездах. В Ирбите насчитывалась самая высокая доля состоявших в браке мужчин, в Перми — самая высокая доля холостых. В Екатеринбурге доля женщин, состоявших в браке, была самой низкой. Значительным в городах было количество вдов, а доли разведенных были низкими. Средний возраст вступления в брак в уездных городах был выше, чем в уездах; у мужчин данный показатель выше, чем у женщин. Составлены диаграммы распределения горожан, относившихся к разным сословиям, по брачным статусам; определены соотношения разведенных к численности населения по сословиям.

Ключевые слова: брачность, брак, город, Пермская губерния, женская эмансипация, расчетный средний возраст вступления в брак (SMAM).

Для цитирования: Кончаковская Н. Б. Брачность в уездных городах Пермской губернии на рубеже XIX—XX вв. по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 1 (45). С. 106—130. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/7_45_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.45.7.

Original article

Marriage in district cities of the Perm province at the turn of the 19th—20th centuries based on materials of the First Census of the Russian Empire in 1897

Natalia B. Konchakovskaya^{1,2}

¹ Historical park “Russia is my history. Sverdlovsk region”, Yekaterinburg, Russia, natalia_konchak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7619-5631>

² Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article discusses the features of marriage among the residents of the Perm province: Perm, Yekaterinburg, Irbit, Kungur, Shadrinsk, Kamyshlov, etc. Based on the materials of the First Census of the Russian Empire in 1897, the article determines the number and compares the proportions of the population of marriageable

© Кончаковская Н. Б., 2023

age (15 years and older), those never married, married, widowed and divorced. The average age of marriage (SMAM) for men and women was calculated by cities and districts (uezd). It was revealed that a significant number of the single population lived in Perm and Yekaterinburg, the proportions of single and unmarried people varied by city, but were higher than in the provincial districts. Irbit had the highest proportion of married men, and Perm had the highest proportion of single men. In Yekaterinburg, the proportion of women who were married was the lowest. The number of widows was significant in the cities, and the proportion of divorced people was low. The average marriage age in district cities was higher than in the provincial outskirts, this figure higher for men than for women. Diagrams of the distribution of city dwellers belonging to different classes according to marital status were compiled; the ratios of the divorced to the population by estates are determined.

Keywords: nuptiality, marriage, city, Perm province, women's emancipation, average age of marriage.

For citation: Konchakovskaya N. B. Marriage in district cities of the Perm province at the turn of the 19th—20th centuries based on materials of the First Census of the Russian Empire in 1897. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2023, no. 1 (45), pp. 106—130. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.45.7>.

Введение

Изучение брачности позволяет проследить изменения в жизненных стратегиях жителей городов Пермской губернии, выявить особенности вступления в брак, что является актуальным для анализа демографических процессов, изменения семейно-брачных отношений, положения женщины в семье. Исследование показателей брачности выступает как одно из необходимых условий для понимания демографических параметров семьи как на макросоциальном уровне городского пространства, так и в рамках отдельных социальных групп (сословий).

Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. предоставляют уникальную возможность комплексно исследовать различные показатели демографической реальности, социально-экономических процессов как в целом по России рубежа XIX—XX вв., так и в отдельных регионах [5; 8; 31]. Материалы Первой переписи 1897 г. стали важным и полноценным источником демографической статистики, в том числе для современных исследователей [6; 8; 9; 11; 17; 22; 33]. Необходимо отметить, что использование массовых агрегированных данных Первой переписи 1897 г. при демографических исследованиях позволяет определить в первую очередь исторический «срез» демографических процессов в обществе, тенденции, сложившиеся на конкретной территории на момент проведения Переписи. Данный источник информативен при анализе брачного состояния, расчете среднего возраста вступления в брак, уровня окончательного безбрачия и других параметров брачности жителей городов и уездов Пермской губернии в рассматриваемый период.

Среди работ, использовавших материалы Первой переписи 1897 г. в изучении показателей брачности, можно выделить исследования М. С. Тольца [31], Б. Н. Миронова [22], С. Д. Морозова [23], С. А. Шаламовой [33], Д. В. Вишняковой [8], коллектива авторов под руководством А. Г. Вишневого [17], Е. В. Бурлуцкой (Банниковой) [6], Е. М. Главацкой, А. В. Бобицкого, Е. А. Заболотных и А. В. Вишневской [9]. Современные исследования отмечают большой информативный потенциал опубликованных материалов Первой переписи 1897 г. М. С. Тольц по материалам переписи проанализировал различные параметры брачности, брачную структуру населения на общероссийском уровне [31]. В масштабном исследовании по социальной истории России Б. Н. Миронова [22] определены тенденции изменения семейно-брачных отношений в конце XIX — начале XX века; автор использовал данные переписи для определения основных параметров брачности в России, в том числе по городам. Однако о региональной специфике, рассмотрении отдельных городов в макроисторических исследованиях говорить сложно. Историки Д. В.

Вишнякова, Е. В. Бурлуцкая (Банникова) по материалам Первой переписи 1897 г. рассмотрели распределение населения городов по возрасту, полу и брачному статусу, социографическим характеристикам и др. [6; 8]. Ю. М. Гончаров [11], Н. А. Араловец [2] проследили изменения в моделях демографического поведения в семьях провинциальных горожан, трансформацию структуры семьи в жизненном цикле, изменение взглядов на брак, семью, детей у городского населения в условиях российской модернизации в конце XIX — начале XX века.

Уральские историки Е. М. Главацкая, А. В. Бобицкий, Е. А. Заболотных и А. В. Вишневская осуществили исследование параметров брачности населения города Екатеринбург, проследив динамику возраста вступления в первый брак в начале XX века в разных этнорелигиозных группах. Данные Первой переписи 1897 г. при расчете среднего возраста вступления в брак (SMAM) и уровня окончательного безбрачия использованы в работах авторов наряду со сведениями о заключении браков из метрических книг [9].

Использование материалов Первой переписи 1897 г. представляется актуальным для исследования брачности по уездным городам Пермской губернии, тем более что комплексного исследования пока предпринято не было. Кроме того, обработка материалов переписи позволяет сделать выводы о тенденциях в отношении к браку среди горожан.

Для более полного понимания особенностей брачности среди женского населения необходимо обратиться к работам по российской женской истории Н. Л. Пушкаревой, Н. А. Мицюк и Т. Б. Котловой, которые указывают на процессы женской эмансипации в конце XIX — начале XX века в России, тенденции появления новой женской идентичности: возрастание роли образования, рационального поведения, реализации в общественной сфере [21; 27; 28]. И. Кон и С. И. Голод обращают внимание на эмансипацию женской сексуальности в данный период [10; 18].

Среди иностранных историков изменения в жизненных стратегиях городских жителей в Российской империи рассмотрены Л. Энгельштейн, по мнению которой в городской среде в рассматриваемый период сформировались такие тенденции, как поздняя брачность и ограничение рождаемости [34]. Б. Альперн Энгель проанализировала эволюцию условий миграции деревенских девушек Центральной России в города, рассмотрев положение женщины в семье, представления о браке, роль матери в условиях городской среды [36].

Методология исследования предполагает использование количественных методов исторической демографии, формально-количественного анализа с определением брачной структуры городского населения (никогда не вступавших в брак, состоявших в браке, вдовых и разведенных), распределения горожан, относившихся к разным брачным статусам, по полу и возрастным категориям по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Рассчитаны коэффициенты брачности и вычислены уровень окончательного безбрачия и расчетный средний возраст вступления в брак — SMAM (Singulate mean age at marriage) мужчин и женщин по методу демографа Дж. Хаджнала [5; 37; 38], также используется историко-сравнительный метод. Следует отметить, что применение метода расчета SMAM дает возможность определить и сравнить данный показатель для каждого города и уездов¹. Метод основан на определении долей никогда не вступавших в брак с 0 до 50 лет (окончательного безбрачия) по возрастным группам, указанным в переписи, и означает среднее число человеко-лет, прожитых вне брака теми, кто вступил в брак к 50 годам (см. [5, с. 27; 37, р. 225]). Сумма человеко-лет, прожитых вне брака, рассчитана по каждой возрастной группе с 15—19 до 50—59 лет. В нашем

¹ Дж. Хаджнал впервые в 1953 г. предложил метод вычисления расчетного среднего возраста вступления в первый брак (SMAM) по данным переписей населения [38].

случае, поскольку в данных Первой переписи принято распределение населения по возрастным группам 15—16, 17—19 лет, а далее с интервалом в 10 лет (20—29 лет и т.д.), при определении SMAM взяты следующие возрастные группы: одна пятилетняя 15—19 лет и четыре десятилетние: 20—29, 30—39, 40—49, 50—59 лет.

В работе проанализировано также распределение горожан, принадлежавших к разным сословиям, по брачному статусу в пяти самых больших по численности населения городах региона, что дает возможность отметить особенности брачности и внутри социальной структуры городского населения. Учитывая особенности данного массового статистического источника, для более объемного изучения параметров брачности наряду с Первой переписью 1897 г. в статье использованы материалы статистики по вступлению в брак в городах и уездах Пермской губернии, содержащиеся в российских статистических сборниках «Движение населения Европейской России». Статистические данные представляют собой ежегодные сведения о движении населения и изменении брачного состояния, предоставляемые Пермским губернским статистическим комитетом в Центральный статистический комитет. Это позволило кроме анализа значения расчетного среднего возраста вступления в брак (SMAM) по Первой переписи проследить распределение вступающих в брак мужчин и женщин по возрастным категориям (20 лет и младше, 21—25 лет, 26—30 лет и т.д.) в том же году; кроме того, проанализировать соотношения долей первых и повторных браков [16]. Для сравнения количества браков и коэффициентов брачности по городам и уездам привлечены материалы из муниципальной статистики — Обзора Пермской губернии, куда включались сведения о брачности (численности браков по каждому городу и уезду за год) [24].

Для более глубокого анализа тенденций брачности использовались записи о заключении брака метрических книг православных соборов Перми, Кунгура и Осы (из фондов Государственного архива Пермского края) за 1897 г. [12; 13; 14]. Метрические книги являются первичными документами церковного учета регистрации браков и кроме возраста вступления в брак содержат другие ценные сведения: например, о социальном положении (сословии) вступающих в брак, месте приписки и брачном статусе.

Хронологические рамки исследования охватывают рубеж XIX—XX вв., ознаменованный в России различными изменениями в социальной, экономической, культурной сферах, в целом — модернизационными процессами, наиболее четко проявившимися в городах. Уездные города играли значимую роль в жизни российского общества, в них сосредоточивались административные функции управления уездами. В уездных городах Пермской губернии на рубеже XIX—XX столетий в ходе модернизации происходило развитие капиталистических отношений, изменение в менталитете, повседневных практиках и пр. Таким образом, создавались условия для перемен в семейной, демографической сферах.

Региональный аспект при изучении истории важен для понимания того, как общероссийские тенденции отражались в данный период на конкретной территории. Отличительной особенностью Пермской губернии было наличие развитой горнозаводской промышленности, занимавшей ведущие позиции по России. На общероссийском уровне города Пермь и Екатеринбург по численности населения относились к средним (от 20 до 100 тыс. чел.), численность населения города Ирбита вместе со временно пребывающим населением также составляла чуть выше 20 тыс. чел.¹, к категории малых можно отнести

¹ Время проведения Первой переписи 1897 г. в Ирбите совпало со сроками проведения общероссийской Ирбитской ярмарки. Однако по численности постоянно жившего населения Ирбит относился к малым городам (население около 10 тыс. человек).

Кунгур, Шадринск, Камышлов, Красноуфимск и Осу (5—20 тыс. чел.), в остальных городах население составляло менее 5 тыс. чел.

Подходя к изучению брачности, следует учесть особенности развития городов в данный период, которые могли выступать в качестве факторов, влиявших на вступление в брак. В наиболее крупных городах Пермской губернии — Перми и Екатеринбурге в конце XIX века более динамично проходили процессы модернизации, значительной была динамика урбанизации при большой концентрации населения, наличии экономических связей всероссийского значения [1, с. 12, 16]. Ирбит являлся центром торговли общероссийского значения, где ежегодно проводилась ярмарка, для обслуживания и участия в которой стекалось достаточно большое количество мигрантов. По мнению Е. Ю. Алфёровой, ряд уездных городов имел достаточно высокий региональный уровень развития экономики, более низкое количество населения: например, Кунгур, Шадринск, Камышлов [1, с. 16]. Такие города, как Верхотурье, Соликамск, Чердынь, не получили стимулов для динамичного экономического развития и прироста населения [1, с. 12, 16]. На уездные города приходилось подавляющее большинство горожан — 93,1% мужчин, 93,6% женщин (остальное городское население проживало в трех заштатных городах) [25, с. 2—3]. В Перми и Екатеринбурге была сосредоточена примерно половина городского населения, за ними по количеству жителей следовали Ирбит, Кунгур и Шадринск; вместе в этих пяти городах проживало около 80% населения уездных городов Пермской губернии в 1897 г.; другие города были менее населенными [25, с. 2—3].

В уездных городах Пермской губернии проживало много представителей крестьянства — в среднем 52,9% мужчин и 44,7% женщин [25, с. 58—59], составлявших основную массу мигрантов. На представителей классических городских сословий (почетных граждан, купцов, мещан) приходилось 37,5% мужчин и 44,0% женщин, достаточно высоким был процент дворян — 6,2% мужчин, 7,5% женщин (в большей степени в Перми и Екатеринбурге), доля духовенства — 1,6% мужчин, 1,9% женщин [25, с. 58—59]. При этом около половины (45,1%) населения приходилось на жителей — уроженцев того же уезда (указано в Переписи как «местное»): 41,3% мужчин и 49,0% женщин. Остальное население составляли переселившиеся из других уездов, губерний, государств [25, с. 44—45]. В Ирбите, Перми и Екатеринбурге отмечался самый низкий процент «местного» населения: в Ирбите — 16,6% (в городе, например, на момент проведения Первой переписи находилось много временно пребывающих мужчин, среди них большое количество крестьян); в Перми — 31,0%, в Екатеринбурге — 40,0%, в остальных городах показатель выше, в Соликамске максимальное значение — 83,4% [25, с. 2, 3]. При этом из других губерний и государств приехали 23,0% горожан. Значительным был процент дворян, переселившихся в города из других губерний: в среднем 42,1% мужчин и 35,9% женщин. Среди классических городских сословий, включавших почетных граждан, купцов и мещан, вместе с представителями духовенства в уездных городах проживало больше всего населения из того же уезда — 59,9% мужчин и 62,8% женщин.

Уездные города Пермской губернии являлись центрами развития начального и среднего образования (в том числе женского), увеличивалось количество образованного населения. Большая часть грамотных женщин приходилась на возраст до 39 лет (у мужчин до 49 лет). Большинство учившихся в средних учебных заведениях находились в возрасте до 29 лет, являлись представителями дворянства, духовенства, а также классических городских сословий [25, с. 60—89]. Вместе с тем в данный период в уральских городах увеличивалось число горожанок, имевших «собственные занятия», самостоятельно зарабатывавших на жизнь [1, с. 17].

Цель статьи — определить показатели брачности среди жителей городов Пермской губернии на рубеже XIX—XX вв. В связи с этим необходимо решить следующие задачи исследования:

- рассчитать количество и доли городского населения брачного возраста по брачному состоянию;
- проанализировать распределение городского населения разных сословий по брачным статусам;
- определить средний возраст вступления горожан в брак (SMAM) в 1897 г. в сравнении с уездами (без городов).

Результаты исследования

Мы определили особенности брачного состояния жителей уездных городов Пермской губернии: доли холостых мужчин и незамужних женщин (т.е. никогда не состоявших в браке), а также доли состоявших в браке, вдовых и разведенных в общей численности населения женского, мужского пола брачного возраста — 15 лет и старше (не включая в расчеты население неизвестного возраста) [25, с. 10—31, 34—43].

Таблица 1

Брачное состояние жителей уездных городов и уездов Пермской губернии брачного возраста в 1897 г., чел. (% доля от численности женского или мужского населения брачного возраста)

Город/уезд (без города)	Число холостых, чел./(доля, %)	Число незамужних, чел./(доля, %)	Число состоявших в браке, чел./ (доля, %)		Число вдовых, чел./(доля, %)		Число разведенных, чел./(доля, %)		Численность населения брачного возраста, чел./(%)	
			муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Пермь	7396 (42,9)	4978 (30,9)	9125 (53,0)	7856 (48,7)	668 (3,9)	3234 (20,0)	18 (0,10)	41 (0,25)	17226 (100,0)	16135 (100,0)
Верхотурье	550 (39,5)	301 (29,3)	760 (54,6)	508 (49,5)	80 (5,7)	213 (20,7)	0	2 (0,20)	1393 (100,0)	1026 (100,0)
Екатеринбург	5492 (38,5)	5585 (33,5)	7984 (55,3)	7327 (44,0)	740 (5,2)	3687 (22,1)	19 (0,13)	28 (0,17)	14261 (100,0)	16659 (100,0)
Ирбит	3049 (24,0)	1772 (34,9)	9291 (73,1)	2395 (47,2)	344 (2,7)	878 (17,3)	10 (0,08)	18 (0,36)	12700 (100,0)	5067 (100,0)
Красноуфимск	804 (37,8)	534 (25,3)	1230 (57,9)	1162 55,1	90 4,2	410 (19,4)	1 (0,05)	2 (0,09)	2125 (100,0)	2110 (100,0)
Кунгур	1887 (36,9)	1225 (24,7)	2962 (57,9)	2770 (55,8)	259 (5,1)	956 (19,2)	2 (0,04)	3 (0,06)	5114 (100,0)	4963 (100,0)
Камышлов	983 (31,3)	742 (26,7)	1992 (63,4)	1380 (49,5)	162 (5,1)	558 (20,4)	4 (0,13)	5 0,18	3142 (100,0)	2784 (100,0)
Оса	546 (32,5)	440 (26,0)	1047 (62,4)	925 (54,7)	84 (5,0)	323 (19,1)	1 (0,06)	1 (0,06)	1679 (100,0)	1692 (100,0)
Оханск	274 (38,1)	171 (26,6)	423 (58,9)	342 (53,3)	19 (2,6)	128 (20,0)	1 (0,14)	0	719 (100,0)	641 (100,0)
Соликамск	541 (41,7)	523 (35,4)	691 (53,2)	652 (44,1)	67 (5,1)	301 (20,4)	0	2 (0,14)	1298 (100,0)	1479 (100,0)
Чердынь	510 (40,8)	445 (34,1)	692 (55,4)	611 (46,8)	48 (3,8)	247 (18,9)	0	1 (0,08)	1249 (100,0)	1304 (100,0)
Шадринск	1178 (31,9)	1155 (25,9)	2253 (61,0)	2228 (49,9)	258 (7,0)	1074 (24,0)	0	5 (0,11)	3692 (100,0)	4468 (100,0)

Город/уезд (без города)	Число холостых, чел./(доля, %)	Число незамужних, чел./(доля, %)	Число состоявших в браке, чел./ (доля, %)		Число вдовых, чел./(доля, %)		Число разведенных, чел./(доля, %)		Численность населения брачного возраста, чел./(%)	
			муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Всего по уездным городам	23208 (35,9)	17869 (30,7)	38444 (59,5)	28141 (48,3)	2816 (4,4)	12006 (20,6)	56 (0,09)	108 (0,19)	64597 (100,0)	58228 (100,0)
Всего по уездам без городов	198964 (23,7)	185937 (19,9)	592133 (70,7)	619961 (66,3)	45838 (5,5)	127694 (13,6)	578 (0,07)	996 (0,11)	837941 (100,0)	935251 (100,0)

Расчеты автора по: [25, с. 10—31, 34—43].

По данным таблицы 1 можно заключить, что доля холостых среди мужского населения брачного возраста в городах в 1897 г. колебалась от 24,0 до 42,9%, среди женщин доля незамужних брачного возраста — от 24,7 до 35,4%.

Самыми высокими доли холостых и незамужних в совокупности были в Перми, Екатеринбурге, Соликамске и Чердыни. В Перми эти доли составляли соответственно 42,9 и 30,9%. В Екатеринбурге доля холостых в составе населения брачного возраста немного ниже, чем в Перми, и составляла 38,5%, зато доля незамужних выше — 33,5%. В Чердыни, Соликамске и Ирбите доли незамужних женщин были еще выше, чем в Екатеринбурге¹. Самая низкая доля холостых насчитывалась в Ирбите — 24,0%, ближе к уездным показателям. В Оханске и Верхотурье доля холостых была высокой (близкой по значению к показателю Перми), в Кунгуре и Красноуфимске немного ниже. В Камышлове, Шадринске, Осе доли холостых и незамужних были ниже значения по уездным городам в целом. Такая же ситуация с долями незамужних в Кунгуре, Оханске и Красноуфимске. Соотношение между числом холостых и незамужних по городам было примерно таким: незамужних было меньше в 1,4 раза, чем холостых, здесь проживало достаточно много холостых мужчин. Число никогда не вступавших в брак мужчин и женщин брачного возраста являлось особенно высоким в крупных городах — Перми и Екатеринбурге. Доля данной категории населения в городах была выше, чем в уездах.

Больше всего холостых и незамужних горожан приходилось на молодых людей — среди молодежи (возраста 15—29 лет) насчитывалась самая высокая доля холостых и незамужних брачного возраста — в среднем 69,8—80,5% незамужних и 80,9—92,3% холостых. На возраст 15—16 лет приходились очень редкие случаи заключения брака. В Перми доля незамужних женщин 15—29 лет (среди незамужних брачного возраста) составляла 73,1%, аналогичный показатель для холостых мужчин — 84,1%, в Екатеринбурге — 73,7% для женщин и 82,6% для мужчин, в Верхотурье — 69,8 и 80,9%, в Осе — 80,5 и 89,6%, в Кунгуре — 72,1 и 85,3%, в Ирбите — 79,2 и 83,8%, в Камышлове — 79,2 и 87,5%, в Шадринске — 79,5 и 84,9%, в Красноуфимске — 76,8 и 88,7%, в Чердыни — 76,4 и 87,8%, в Соликамске — 70,7 и 88,7%, в Оханске — 78,9 и 92,3%. Самые высокие доли незамужних 15—29 лет были в Осе и Шадринске, немного меньше в Ирбите и Камышлове, самые высокие доли холостых 15—29 лет — в Оханске, Осе [25, с. 34—43]. Самые низкие доли незамужних 15—29 лет насчитывались в Верхотурье, Соликамске и Кунгуре, немного больше в Перми и Екатеринбурге, меньшая доля холостых — в Вер-

¹ В Ирбите количество женского населения было намного меньше, чем мужского.

хотурье, затем шли Екатеринбург, Ирбит и Пермь. Интересно, что в крупных городах Перми и Екатеринбурге, где проживало много молодежи, доли незамужних и холостых среди молодежи были ниже, чем в ряде небольших городов. Стремление обосноваться в крупном городе не означало отказ от брака; можно было лишь повременить со вступлением в него, достигнув, например, лучшего социального и материального положения. С возраста 30 лет число горожан, никогда не вступавших в брак, резко уменьшалось. Исследователь Н. А. Араловец отмечает особенности российских городов в данный период: «...преобладание в городах молодых мужчин и женщин, не состоявших в браке, возрастание применения женского труда влияли на постепенное изменение взглядов на брак, внебрачные отношения, возраст вступления в брак» [2, с. 34].

Молодежь составляла значительную часть городского социума, причем достаточно много молодых людей переселялось из других уездов и губерний (что может указывать на стремление молодежи в города). В абсолютных цифрах на рубеже XIX—XX вв. больше всего молодежи проживало в крупных городах региона: чем крупнее был город, тем больше молодежи. Доля молодежи возраста 15—29 лет среди городского населения брачного возраста (15 лет и старше) составляла 37,5—53,8% мужчин, 37,5—45,9% женщин: в среднем 45,2% мужчин (в уездах показатель ниже — 39,0%) и 40,0% женщин брачного возраста (в уездах практически такой же показатель — 40,5%) [25, с. 34—43]. Так, в Перми доля молодежи — 49,7% мужчин брачного возраста и 42,2% женщин брачного возраста, в Екатеринбурге — 43,5% мужчин и 41,4% женщин, в Ирбите показатели соответственно 37,5% (самая низкая доля молодых мужчин) и 45,9% (самая высокая доля молодых женщин), в Соликамске — 46,7 и 37,5% (самая низкая доля молодых женщин), в Чердыни близкие к Соликамску значения — соответственно 46,6% и 38,5%. Доля молодых мужчин была выше доли молодых женщин, кроме Ирбита. Количество мужчин брачного возраста было выше количества женщин в 1,1 раза. В уездах, наоборот, преобладали по количеству женщины — в среднем в 1,1 раза больше.

Мы определили уровень окончательного безбрачия (табл. 2) среди горожан уездных городов Пермской губернии как среднее арифметическое долей холостых и незамужних женского и мужского населения в возрастных категориях 40—49 лет и 50—59 лет (% на 100 чел. населения). По уездным городам Пермской губернии в среднем он составлял для мужского населения 6,8%, для женщин этот показатель был выше — 10,8%. Самым высоким уровнем окончательного безбрачия у женщин был в Соликамске, Верхотурье, Екатеринбурге, Перми, Чердыни и Ирбите — в городах, лидировавших по долям незамужних (ниже всего в Осе, Оханске). Самым высоким уровнем окончательного безбрачия у мужчин был в Верхотурье и Перми, затем шли Екатеринбург и Кунгур (самые низкие в Осе, Ирбите и Камышловле). В городах уровень окончательного безбрачия был выше уездных показателей (в уездах без городов он составлял для мужчин в среднем 2,3%, для женщин — 4,6%), что может указывать на достаточно заметные изменения в демографической структуре городского населения в ходе модернизации и урбанизации, в том числе для женщин. Кроме того, в уездных городах проживало 7,6% мужчин и 11,4% женщин, никогда не состоявших в браке к возрасту 50 лет. В городах Российской империи доля населения данного возраста, никогда не вступавшего в брак, была в это время выше (особенно среди мужчин) и составляла в среднем для мужского населения 11%, для женщин 12%. В целом по Европейской России — 5,0% мужчин и 4,0% женщин никогда не вступали в брак к 50 годам [31, с. 140; 18, с. 50]. В Санкт-Петербурге в 1891—1900 гг. в возрасте 50 лет насчитывалось 13—15% мужчин и 19—21% женщин, никогда не вступавших в брак [22, с. 172]. Для сравнения: в 1897 г. в губернской Перми в этом же возрасте никогда

не вступали в брак 11,2% мужчин и 12,6% женщин, в Екатеринбурге — 9,8% мужчин и 15,6% женщин — более низкие показатели.

Таблица 2

Уровень окончательного безбрачия в уездных городах Пермской губернии в 1897 г.

Город /уезд	Уровень окончательного безбрачия, мужчины, %	Уровень окончательного безбрачия, женщины, %
Пермь	9,8	12,3
Верхотурье	11,1	14,4
Екатеринбург*	8,4	13,5
Ирбит	4,4	12,1
Камышлов	4,5	8,4
Красноуфимск	6,0	9,6
Кунгур	8,0	9,4
Оса	3,5	7,2
Оханск	5,4	7,3
Соликамск	6,9	15,9
Чердынь	6,7	12,3
Шадринск	6,7	7,6
Уездные города (в среднем)	6,8	10,8
Уезды (без городов)	2,3	4,6

Расчеты автора по: [25, с. 10—31, 34—43]; * — данные по источнику [9, с. 117].

Еще один показатель брачности — количество и доли населения, состоявшего в браке. Возвращаясь к таблице 1, мы видим, что в наиболее крупных по численности городах региона — Перми, Екатеринбурге, Ирбите, Кунгуре и Шадринске количество состоявших в браке было самым значительным. Наиболее высокая доля состоявших в браке мужчин отмечалась в Ирбите (73,1%) (при этом доля замужних здесь ниже значения по уездным городам). Можно предположить, что при невысокой доле молодых мужчин, большом числе приехавших из других уездов и губерний к Ирбиту нередко приписывались состоявшие в браке мужчины. В Осе, Шадринске и Камышлове доля женатых мужчин была выше показателя по всем уездным городам. Самая высокая доля замужних насчитывалась в Кунгуре и Красноуфимске, также более высокие значения были в Осе, Оханске, Шадринске и Камышлове. В Екатеринбурге была самая низкая доля женщин, состоявших в браке — 44,0% (чуть выше в Соликамске), в Перми — 48,7%. В Перми отмечена самая низкая доля состоявших в браке мужчин (53,0%); немного выше доля состоявших в браке мужчин в Екатеринбурге — 55,3% (табл. 1).

Доля населения брачного возраста, состоявшего в браке, в уездных городах была ниже, чем в уездах, — у женщин на 18%, у мужчин на 11%. В уездных городах проживало в 1,4 раза больше женатых мужчин, чем замужних женщин (в отличие от уездов). Самая большая разница между количеством состоявших в браке мужчин и женщин наблюдалась в Ирбите — примерно в 3 раза больше женатых мужчин.

Если проследить распределение в уездных городах состоявших в браке мужчин и женщин по возрастным категориям (рис. 1), то можно выявить, что среди женщин более высокие доли состоявших в браке наблюдались до возраста 20—29 лет, более интенсивно повышаясь по сравнению с мужчинами. С возраста 30—39 лет доли состоявших в браке выше среди мужчин. Максимум по долям состоявших в браке мужчин приходился на возраст 40—49 лет (86,6%), среди женщин — на возраст 30—39 лет (70,4%), затем резко

уменьшаясь в остальных возрастных категориях. Такая разница в распределении по возрастам между женатыми мужчинами и замужними женщинами наблюдается в первую очередь за счет значительного возрастания доли вдов начиная с 40—49 лет и большей доли никогда не вступавших в брак женщин по сравнению с мужчинами. В уездах без городов (рис. 1) доли состоявших в браке мужчин и женщин были выше, чем в городах, причем большая разница среди женщин (до 20—24%). Но преобладание доли женатых мужчин над долей замужних женщин происходило в том же возрасте: 30—39 лет. Максимум значений среди мужчин приходился на 30—49 лет (94,1%), среди женщин — на возраст 30—39 лет (88,8%). Доля женатых мужчин к возрасту 60 лет и старше практически одинаковая и в городах, и в уездах. Доля замужних женщин возраста старше 60 лет в городах при этом была ниже, чем в уездах.

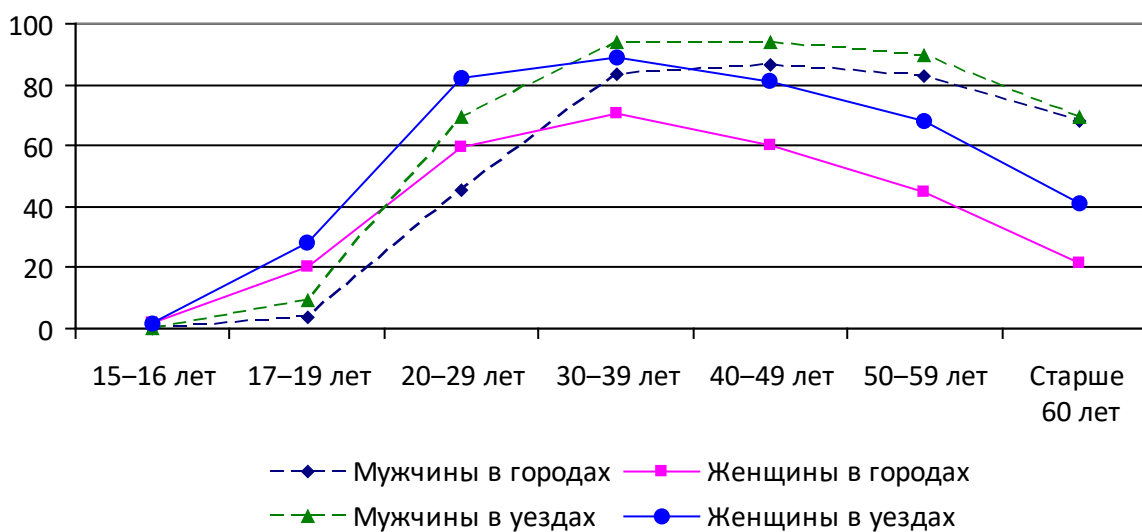

Рис. 1. Распределение населения уездных городов и уездов (без городов) Пермской губернии, состоявшего в браке, по полу и возрасту в 1897 г., в % от численности населения в возрастной категории. Расчет автора по: [25, с. 10—31, 34—43]

Высокими в городах Пермской губернии были число и доли женщин-вдов: 20,6% женщин брачного возраста являлись вдовами, среди мужчин насчитывалось намного меньше вдовцов — 4,4% (табл. 1). В городах доля вдов была выше, чем в уездах, а доля вдовцов ниже. На Шадринск приходилась самая высокая доля вдов, немного ниже значение в Екатеринбурге. Самая низкая доля вдов в Ирбите (здесь же самая низкая доля вдовцов) и в Чердыни. По Европейской России доля вдов в среднем составляла 13,4% (соответствовала уездным показателям, но была ниже, чем в среднем по городам Пермской губернии), доля вдовцов — 5,4% (немного выше, чем в среднем по уездным городам Пермской губернии) [31, с. 141]. Количество вдов в городах превышало количество вдовцов в 2—5 раз. Например, в Екатеринбурге число вдов превышало число вдовцов в 5 раз, здесь же проживало больше всего вдов по сравнению с остальными городами. В целом по уездным городам число вдов превышало число вдовцов в 4,3 раза, в уездах — в 2,8 раза. Доля вдов в городах резко повышалась в возрасте 40—49 лет. Среди женщин 50—59 лет насчитывалось 44,5% вдов, среди мужчин этого возраста — 10,4% вдовцов, т.е. намного меньше. При этом количество женщин с возраста 50—59 лет начинало превышать количество мужчин. В 60 лет и старше женщин насчитывалось в 1,4 раза больше, чем мужчин (6885 женщин и 4778 мужчин). Для сравнения: в уездах без городов, где доля вдов была ниже, чем в городах, количество женщин было выше количества мужчин

примерно в 1,1 раза, и женщины количественно преобладали во всех возрастных категориях [25, с. 34—43]. Можно констатировать, что высокие показатели количества и долей вдовых горожанок могут свидетельствовать прежде всего о том, что женщины реже, чем мужчины, вступали в повторные браки. Вдовы мужчины могли предпочитать вступать в повторный брак с молодыми, не вдовыми женщинами. Также на показатели влияла традиционно более низкая продолжительность жизни мужчин.

Большинство браков среди населения (особенно среди женщин) в городах Пермской губернии были первыми (табл. 3). Среди женщин доля первых браков практически всегда была выше (на 2—7%), чем среди мужчин; в уездах эта разница в среднем 8,0%. Последнее указывает, что женщины реже вступали в повторный брак. Доли первых браков среди невест и женихов в городах были ниже, чем в уездах. В 1897 г. в городах среднее значение доли первых браков невест составляло 89,8%, женихов — 82,3%, в уездах соответственно 92,8% и 84,9% (табл. 3).

Таблица 3

Доли первых браков жителей Пермской губернии в 1897 г., % от общего количества браков за год

Пермь		Екатеринбург		Остальные города		Все города		Уезды (без городов)	
женихи	невесты	женихи	невесты	женихи	невесты	женихи	невесты	женихи	невесты
83,6	88,3	81,7	89,7	81,6	91,5	82,3	89,8	84,9	92,8

Расчеты автора по: [16, с. 74—75].

При этом доля одиноких мужчин и женщин (включая количество вдовцов, вдов; холостых и незамужних, разведенных) среди населения уездных городов Пермской губернии брачного возраста в 1897 г. была значительной — в среднем 51,5% женщин и 40,4% мужчин (табл. 1). В Перми и Екатеринбурге показатели выше. При этом абсолютное число одиноких по городам не различалось кардинально — одиноких женщин насчитывалось 29 983 чел., одиноких мужчин — 26 080 чел.: женщин больше, чем мужчин, в 1,1 раза; по губернии эта разница составляла 1,2 раза. Доля одиноких женщин и мужчин брачного возраста в уездных городах Пермской губернии была выше, чем в уездах. На аналогичную разницу между городом и сельской местностью в европейской части России указывал Б. Н. Миронов [22, с. 177]. В городах доля незамужних к возрасту 40—49 лет преобладала над долей холостых, вместе со вдовами они составляли большое число одиноких горожанок. Проживание достаточного количества мужчин и женщин без брака становилось для городов новой тенденцией модернизации [6, с. 114].

Разводы являлись редкими среди городских жителей Пермской губернии, как и во всей дореволюционной России. В возрасте 15 лет и старше в уездных городах Пермской губернии к категории разведенных относилось 0,09% мужчин и 0,19% женщин — доля (как и количество) разведенных женщин выше. В городах доли разведенных женщин выше, чем в уездах (табл. 1). Относительно высокие доли разведенных среди женщин наблюдались в Ирбите, Перми, Верхотурье, Камышлове и Екатеринбурге, среди мужчин доли разведенных были достаточно высокими в Перми и Екатеринбурге, Камышлове и Оханске. По абсолютному числу разведенных лидировали Пермь и Екатеринбург, затем шел Ирбит. В целом в городах 1 разведенный мужчина приходился на 1544 мужчины (всего мужского населения), 1 разведенная женщина — на 795 женщин. Это ниже, чем в среднем по России, где 1 разведенный мужчина приходился на 1000 мужчин, 1 разведенная женщина — на 500 женщин [3; 25, с. 4—5, 34—43]. В Перми данные соотношения примерно равнялись общероссийским для женщин (1 к 541), а мужчины разводились реже (соотношение 1 к 1280), в Екатеринбурге 1 разведенный мужчина приходился на 1063 мужчины, что примерно соответствовало общероссийским тенденциям, зато 1 разведенная

женщина приходилась на 823 женщины (более редкие разводы среди женщин). В Ирбите 1 разведенная приходилась на 346 женщин (что выше, чем в уездных городах Пермской губернии и по России в среднем), 1 разведенный — на 1383 мужчины. В Камышлове среди мужчин соотношение по разводам примерно соответствовало общероссийскому (1 к 1086), зато среди женщин соотношение по разводам было ниже общероссийского (1 к 773). Жители остальных городов разводились реже [25, с. 4—5]. В целом преобладание доли разведенных женщин над долей разведенных мужчин могло объясняться тем, что в большинстве бракоразводных процессов брак расторгался по вине жены, а значит, женщине нередко было запрещено вступать в повторный брак на протяжении определенного времени, вплоть до семи лет. К тому же женщина, «пережившая» длительный (как правило) бракоразводный процесс, очевидно, не торопилась вступать в повторный брак.

Коэффициенты брачности (в промилле) в 1897 г. варьировали по городам и были ниже (кроме Перми), чем в уездах (табл. 4). Можно отметить, что Пермь являлась лидером по брачности среди уездных городов. В Екатеринбурге данный коэффициент был ниже, примерно соответствовал среднему значению по городам. В Ирбите с высокой долей женатых мужчин и самой низкой долей незамужних женщин коэффициент брачности был наиболее низким. Среднее значение коэффициента брачности по уездным городам соотносилось со значениями по России. В последнее десятилетие XIX в. коэффициент брачности в России составлял 7,6‰ [31, с. 141]. Самое большое количество браков заключалось в Перми. В других крупных городах региона — Екатеринбурге, Кунгуре и Шадринске — количество браков было самым высоким после Перми.

Таблица 4

Количество браков и коэффициенты брачности в уездных городах Пермской губернии в 1897 г.

Город, коэффициент брачности	Количество браков	Коэффициент брачности, ‰
Пермь	648	14,3
Екатеринбург	339	7,8
Верхотурье	30	9,4
Ирбит	47	2,3
Красноуфимск	41	6,6
Кунгур	108	7,6
Камышлов	26	3,2
Оса	41	8,1
Оханск	8	4,2
Соликамск	35	8,6
Чердынь	39	10,7
Шадринск	104	8,9
Коэффициент брачности по уездным городам		7,6
Коэффициент брачности по уездам (без городов)		10,4

Расчеты автора по: [25, с. 2—3, 57; 24, с. 100—102].

Мы рассчитали число и проценты холостых и незамужних, состоявших в браке, вдовых и разведенных по сословиям в пяти уездных городах Пермской губернии (суммарно) — в Перми, Екатеринбурге, Ирбите, Кунгуре и Шадринске, где проживало большинство городского населения. Данные расчеты позволили нам составить диаграммы распределения представителей разных сословий по брачным статусам (в расчет взято население всех возрастов). Мы учитываем, что общая численность населения данных городов, относив-

шегося к сословиям «сельского состояния» (как было записано в материалах Переписи) — крестьяне, казаки и иностранные поселенцы, — на 99,9% состояло из крестьян, в диаграммах данные сословия обозначены как крестьяне (включая казаков и иностранных поселенцев). Классические городские сословия рассмотрены в совокупности (как указано в Переписи) — почетные граждане, купечество и мещанство, которые распределялись так: 3,4% мужчин и 2,9% женщин из почетных граждан, 5,4% мужчин и 4,9% женщин из купеческого сословия, 91,2% мужчин и 92,2% женщин из сословия мещан.

Среди дворян (рис. 2) процент никогда не вступавших в брак был достаточно высоким, следующим после представителей духовенства и у мужчин, и у женщин. При этом у дворян была достаточно высокая (примерно одинаковая с классическими городскими сословиями) доля населения возраста 20 лет и старше (55,9% мужчин и 60,2% женщин), что указывает на высокие проценты холостых и незамужних в числе взрослого населения дворян. Процент женщин, никогда не вступавших в брак, был значительно ниже, чем среди мужчин в данном брачном статусе. Проценты состоявших в браке были существенно ниже, чем для никогда не вступавших в брак (среди женщин ниже, чем среди мужчин). По сравнению с крестьянами и представителями классических сословий процент дворян, состоявших в браке, был ниже. Процент вдов среди дворян был значительно выше процента вдовцов — примерно в 5 раз, по сравнению с другими сословиями насчитывался самый высокий процент вдов. Процент разведенных женщин был достаточно высоким — следующим после самого высокого показателя разводов у крестьянок. Вероятно, для «просвещенных» и эмансипированных женщин из дворянского сословия развод мог являться собственным выбором, отражавшим современные взгляды на брак и финансовую независимость.

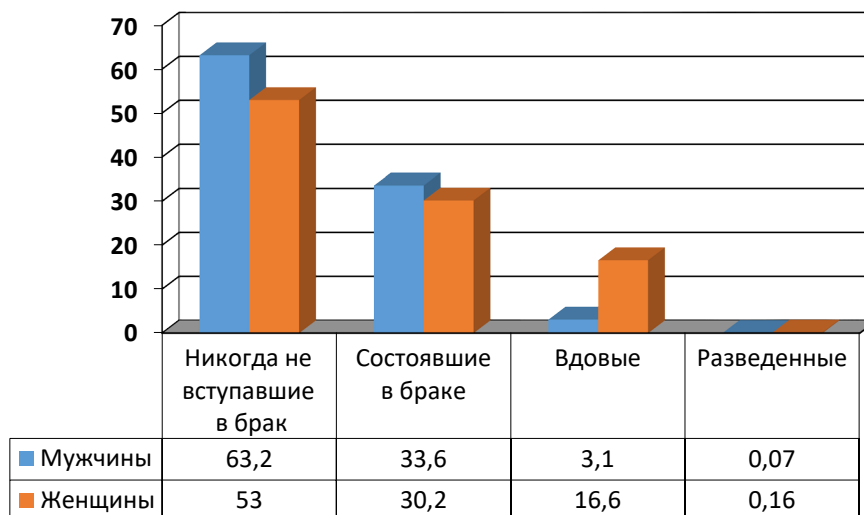

Рис. 2. Распределение дворян по брачному статусу в Перми, Екатеринбурге, Ирбите, Кунгуре и Шадринске в 1897 г., %. *Расчеты автора по:* [25, с. 46—69, 90—91]

В среде духовенства (рис. 3) были самые высокие по сословиям проценты никогда не вступавших в брак мужчин и женщин. Самым низким по сравнению с другими сословиями здесь был процент состоявших в браке. При этом высокой в сословии была доля детей и молодежи до 20 лет (63,8% мужчин и 55,9% женщин: вероятно, традиционно преобладали многодетные семьи). Процент вдов в среде духовенства был самым низким по сословиям и выше процента вдовцов в 2 раза. У представителей данного сословия, что закономерно, совсем не зафиксировано разводов.

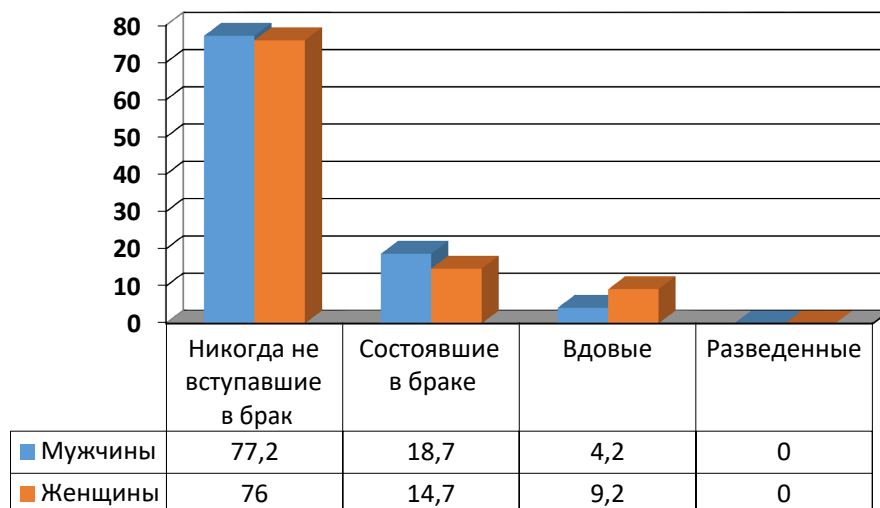

Рис. 3. Распределение представителей духовенства по брачному статусу в Перми, Екатеринбурге, Ирбите, Кунгуре и Шадринске в 1897 г., %. *Расчеты автора по:* [25, с. 46—69, 90—91]

У представителей классических городских сословий (рис. 4) процент никогда не вступавших в брак мужчин был выше, чем среди крестьян, но ниже, чем у дворян. Процент женщин, никогда не вступавших в брак, среди данных сословий был самым низким по сословиям, при том что достаточно высокой была доля женского населения 20 лет и старше (60,2% женщин). Высоким был процент состоявших в браке — следующим по убыванию после крестьянства. Очень значительным был процент вдов — примерно как у дворянок. Процент вдов был выше процента вдовцов в 4 раза. Процент разведенных мужчин чуть выше, чем у других сословий. Среди женщин процент разведенных самый низкий (не считая духовенства, где разводов совсем не было) по сравнению с остальными сословиями.

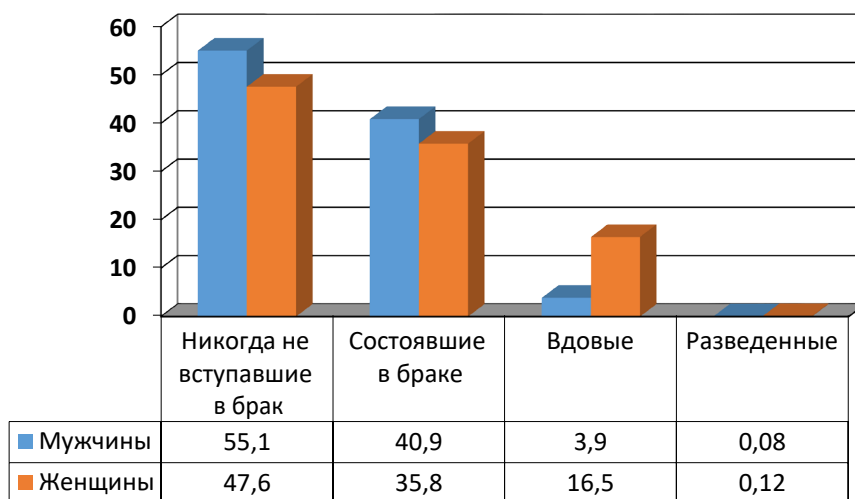

Рис. 4. Распределение представителей классических городских сословий (почетные граждане, купцы, мещане) по брачному статусу в Перми, Екатеринбурге, Ирбите, Кунгуре и Шадринске, %
Расчеты автора по: [25, с. 46—69, 90—91]

В крестьянской среде (рис. 5) (считая вместе с 0,1% казаков и иностранных поселенцев) мы зафиксировали самый низкий процент никогда не вступавших в брак мужчин,

при этом особенно высокой была доля мужского населения (70,8%) возраста 20 лет и старше, что может отражать более консервативные взгляды на брак в этой среде. Процент никогда не вступавших в брак женщин был выше, чем у представительниц классических городских сословий, при самой высокой доле (63,6%) женщин возраста 20 лет и старше. Причем в отличие от других сословий процент никогда не вступавших в брак женщин был выше аналогичного показателя у мужчин. Крестьянки в городах, очевидно, не спешили с замужеством и могли жить самостоятельно. Как результат, процент состоявших в браке женщин был значительно ниже, чем среди мужчин. Самым низким по сравнению с остальными сословиями был процент вдовцов среди крестьян, а процент крестьянских вдов ниже, чем у дворян и классических городских сословий. Процент вдов выше процента вдовцов примерно в 4 раза. Кроме того, среди крестьян насчитывался самый высокий процент разведенных женщин и примерно одинаковый с другими сословиями (исключая духовенство, где не было разводов) низкий процент разведенных мужчин.

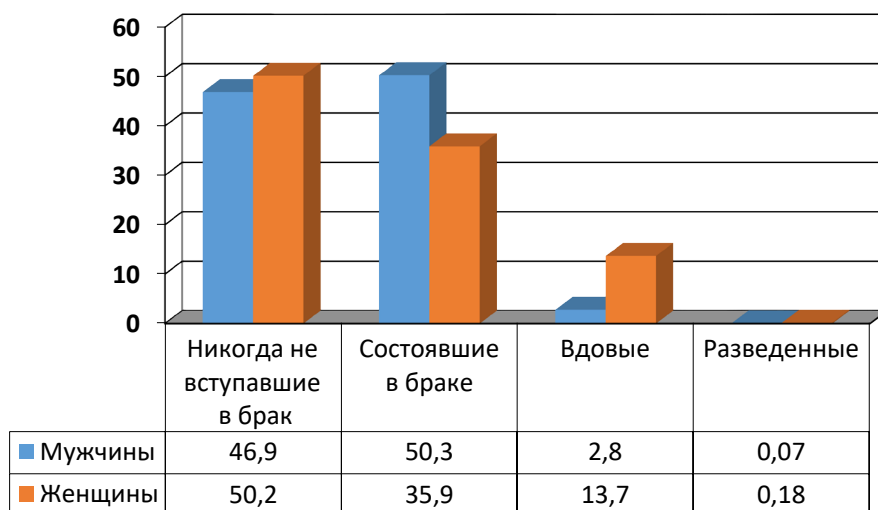

Рис. 5. Распределение крестьян (вместе с казаками и иностранными поселенцами) по брачному статусу в Перми, Екатеринбурге, Ирбите, Кунгуре и Шадринске в 1897 г., %
 Расчеты автора по: [25, с. 46—69; 90—91]

По абсолютному числу населения вышеперечисленных городов во всех брачных статусах преобладали крестьяне, исключение составляло число вдов среди представительниц классических сословий, превышавшее число вдов среди крестьянок. Следующими за крестьянством — немного ниже по количеству населения разных брачных статусов — шли представители классических городских сословий. Число замужних крестьянок и представительниц классических городских сословий было примерно одинаковым.

По соотношению числа разведенных к численности населения Перми, Екатеринбурга, Ирбита, Кунгура и Шадринска среди женщин по сословиям наиболее высоким и близким к общероссийскому (1 разведенная женщина на 500 женщин) было соотношение у крестьянок: 1 разведенная на 552 женщины, немного ниже среди дворянок — 1 разведенная на 632 женщины; среди представительниц классических городских сословий наиболее низкое соотношение — 1 : 824 (кроме духовенства, где не было разводов). У мужчин более высокое соотношение разводов было у представителей классических городских сословий, ближе к общероссийскому (1 разведенный мужчина на 1000 мужчин) — 1 разведенный на 1211 мужчин. Самое низкое соотношение разводов (кроме духовенства) наблюдалось среди мужчин из крестьянства — 1 : 1490.

Характеристику брачности жителей городов дает анализ среднего возраста вступления в брак. По российскому законодательству девушка могла выходить замуж не раньше 16, мужчина — не раньше 18 лет [26, ст. 3]. Данная статья определяла возраст вступления в брак для представителей разных конфессий. По специальному разрешению церкви брак мог совершаться, когда возраст жениха или невесты был немного меньше обозначенного законодательством.

Мы рассчитали средний возраст вступления в брак (SMAM) в каждом уездном городе Пермской губернии по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., используя методику Дж. Хаджнала [5, с. 27; 37, р. 227].

Таблица 5

Средний возраст вступления в брак мужчин и женщин (SMAM) в уездных городах Пермской губернии и в уездах в 1897 г.

Город / уезд (без городов)	SMAM мужчин в городах, лет	SMAM женщин в городах, лет	SMAM мужчин в уездах без городов, лет	SMAM женщин в уездах без городов, лет
Пермь	27,5	24,1		
Пермский уезд			23,8	21,1
Верхотурье	27,0	23,6		
Верхотурский уезд			24,0	20,9
Екатеринбург*	27,1	24,6		
Екатеринбургский уезд			23,0	20,1
Ирбит	24,4	24,7		
Ирбитский уезд			23,5	21,2
Красноуфимск	26,3	22,3		
Красноуфимский уезд			22,3	20,2
Кунгур	26,4	22,4		
Кунгурский уезд			22,6	20,3
Камышлов	25,6	22,9		
Камышловский уезд			22,9	20,7
Оса	25,8	22,7		
Осинский уезд			22,3	20,7
Оханск	25,7	23,5		
Оханский уезд			22,6	21,8
Соликамск	28,1	26,7		
Соликамский уезд			23,7	22,3
Чердынь	28,0	25,7		
Чердынский уезд			23,4	21,5
Шадринск	25,4	23,1		
Шадринский уезд			22,3	20,6
Средние значения по городам, уездам (без городов)	26,4	23,9	23,0	21,0

Расчеты автора по: [25, с. 10—31, 34—43]. * Источник: [9, с. 116].

Согласно данным таблицы 5, расчетный средний возраст вступления в брак населения уездных городов Пермской губернии в 1897 г. был старше 20 лет (выше интервала ранней брачности 20 лет и младше), мужчины вступали в брак позднее, чем женщины, на 2—3 года. В уездах эта разница составляла 1—3 года. SMAM в городах у мужчин и жен-

щин в среднем на 2—4 года выше, чем в уездах (соответствует общероссийской тенденции). SMAM в уездных городах варьировал от 24,4 до 28,1 года у мужчин, с 22,3 до 26,7 у женщин, в уездах (без городов) — с 22,2 до 24,0 у мужчин, с 20,1 до 22,3 года у женщин.

Самый высокий SMAM у мужчин наблюдался в городах Соликамске, Чердыни, Перми и Екатеринбурге. В Екатеринбурге средний возраст женихов был немного ниже, чем в Перми. Самый низкий средний возраст вступления в брак мужчин был в городах Ирбите и Шадринске, ближе к значениям по уездам. Среди женщин самый высокий SMAM в Соликамске и Чердыни, затем идут города Ирбит, Екатеринбург, Пермь. SMAM у женщин составлял в максимальных значениях старше 25 лет, что можно определить как более позднюю брачность. Самый низкий возраст вступления женщин в брак был в Красноуфимске и Кунгуре. В большинстве малых городов региона SMAM был ниже, чем в среднем по уездным городам.

Значения среднего возраста вступления в брак в городах в целом укладывались в показатели по Европейской России того времени. В 1897 г. у женщин средний возраст вступления в брак в городах европейской части России составлял 23,1 года (в уездных городах Пермской губернии выше — 23,9 года), у мужчин — 26,6 года (в уездных городах Пермской губернии 26,4 года). В сельской местности (уездах) по России — у женщин — 21,2 года, у мужчин — 23,1 года [31, с. 139]. SMAM в Перми и Екатеринбурге (относившихся по численности населения к средним городам) был ближе к значениям по крупным российским городам в начале XX в., где он составлял 27,7 года у мужчин и 24,8 года у женщин [22, с. 169]. Кроме того, такая же тенденция наблюдалась, например, и в небольших городах Соликамске и Чердыни. Разница в значениях SMAM между городом и уездами составляет и для мужчин, и для женщин около 3 лет, что соответствует тенденциям брачности по России [22, с. 169]. По подсчетам Ю. М. Гончарова, в городах Сибири средний возраст вступления в брак как для невест, так и для женихов был примерно на 3 года больше, чем в уездах; особенно высокий возраст женихов и невест приходился на крупные города региона [11, с. 176].

Если проследить распределение браков мужчин и женщин по возрастным категориям в городах региона (табл. 6), можно отметить, что в Перми и Екатеринбурге женщины вступали в брак реже, чем в остальных городах, в возрастном интервале 20 лет и младше; более высокие доли невест здесь отмечались в 26—30 лет, 31—35 лет. Доля браков в 21—25 лет среди женщин была примерно одинаковой по всем городам региона и достаточно значительной. Пик брачности женщин приходился на возраст 20 лет и младше как в городах, так и в уездах (без городов), однако в городах доли невест в данной возрастной категории были ниже за счет более высокой доли в возрасте 26—35 лет; следующее по величине значение доли браков приходилось на 21—25 лет. Мужчины чаще, чем женщины, вступали в брак в возрасте старше 21 года. Среди мужчин пик брачности наблюдался в более позднем, чем у женщин, возрасте: 21—25 лет; следующее по величине значение доли браков — в возрасте 26—30 лет. В малых городах в среднем значительные доли женихов приходятся на более ранние возрастные категории, чем в средних городах. В уездах (без городов) более высокие, чем в городах, доли женихов в возрасте 20 лет и младше, также значительная разница в категории 26—30 лет. Очевиден, как и при расчетах SMAM, более поздний возраст вступления в брак в городах в отличие от уездов (без городов).

Демографические исследования указывают на преобладание ранних браков в дореволюционной России, отмечая при этом тенденции более позднего вступления в брак в Европейской России (но не достигших в целом показателей «европейского» типа брачности) в связи с урбанизацией и индустриализацией, социально-экономическими, культурными, политическими изменениями в развитии российских городов [17, с. 31].

Доли заключаемых в 1897 г. населением Пермской губернии браков по возрастным категориям, % от общего количества браков за год

Города/уезды	20 лет и младше		21—25 лет		26—30 лет		31—35 лет		36—40 лет		41—45 лет		46—50 лет	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Пермь	11,6	48,8	40,1	28,7	24,7	10,3	10,6	6,5	4,5	2,3	3,2	2,0	1,7	1,1
Екатеринбург	10,0	52,5	33,9	28,9	28,9	9,1	11,7	3,8	7,7	3,2	2,4	0,2	1,8	1,5
Остальные города	22,1	57,5	36,6	28,7	21,9	7,1	7,4	3,0	4,1	2,2	3,9	1,0	1,5	0,4
Уезды (без городов)	29,2	59,1	41,5	31,5	16,2	4,2	4,2	2,0	2,8	1,3	2,5	0,8	2,5	0,5

Рассчитано автором по: [16, с. 76].

Местная общественность в начале XX века указывала на нежелание части представителей молодежи вступать в брак. Корреспондент газеты «Уральская жизнь» по поводу вступления в брак отмечал: «По-другому обстояло дело сорок — пятьдесят лет тому назад, когда молодые девушки встречали на каждом шагу тот или иной запрет и выходили замуж, чтобы избавиться от связывающих их по рукам и ногам стеснений» [7, с. 4]. Демократизация в отношениях мужчин и женщин, происходившая в это время, могла трактоваться как «половая распущенность» и нередко считалась составляющей быта российских городов в противовес идеализированной «чистоте» и «целомудрию» традиционного крестьянского образа жизни [4, с. 14; 10; 18, с. 98; 19, с. 82; 34, с. 401]. Девушки и молодые люди из сельской округи, живя в городе без постоянного контроля со стороны родственников, имели большую свободу в вопросах заключения брака [32, с. 5; 36, р. 63; 29, с. 27]. Часть незамужних крестьянок принимала решение вернуться из города домой (как это было описано в рассказе уральского писателя А. Туркина «Сговорились») [32, с. 34].

Среди крестьянок, заключавших браки в православных соборах Перми, Кунгура и Осы в 1897 г. (Пермь — по численности средний город, Кунгур и Оса — малые) прослеживаются тенденции более позднего вступления в первый брак, на что может косвенно указывать и анализ диаграммы распределения по брачному статусу среди крестьян (рис. 5). У крестьянок, проживавших в Перми, Кунгуре и Осе, нередкими были первые браки в 24—29 лет (особенно в Перми), хотя заключались и ранние браки — в 20 лет и младше [12, л. 97—138; 13, л. 163—188; 14, л. 112—139].

Стремление продолжить образование, получить профессиональные знания и навыки могло стать для девушки приоритетом в планировании будущего. В городах Пермской губернии на рубеже XIX—XX вв. широко распространялось женское образование, увеличивалось количество образованных горожанок. Расширялись возможности реализации женщин на общественном поприще, в профессиональной сфере, предпринимательской деятельности (см. подробнее: [20, с. 33]). Существенное влияние таких факторов на брачность можно наблюдать в первую очередь у дворянок (рис. 2). К примеру, в Перми, Кунгуре и Осе в данный период представительницы образованных кругов городского общества, например учительницы, могли выходить замуж позже. Среди девушек с более высоким социальным статусом (дворянок, дочерей чиновников и пр.) наблюдался более высокий возраст заключения первого брака, если судить по записям о заключении брака городских православных соборов [12, л. 97—138; 13, л. 163—188; 14, л. 112—139]. Для дворянских дочерей вступление в брак могло осложняться тем, что более половины дво-

рынок переселились в города из других губерний, так же как и мужчины из их среды, которые могли временно проживать в городах губернии, находясь на военной или гражданской службе. На взаимосвязь более высокого социального статуса и позднего вступления в брак среди горожан Екатеринбурга в начале XX в. указывают исследования уральских историков [9, с. 120].

Более позднее вступление в брак мужчин в городах могло быть связано с прохождением действительной военной службы (с 21 года, максимум 5—6 лет). Служба мужчин на высших военных должностях, военное образование также предусматривали отсрочку вступления в брак [26, ст. 3]. Так, офицерам (высшим военным чинам) разрешалось жениться с 23 лет, если они вносили денежный взнос на достаток семьи («реверс»), постоянно повышающийся и составлявший в начале XX в. более 1000 рублей. «Бесплатно» они могли жениться в 28 лет. Купцы, предприниматели могли откладывать женитьбу из-за стремления «встать на ноги», добиться более высокого достатка, чиновники — до получения необходимой должности с достаточным жалованьем, достижения более высокого социального статуса. Также более поздние браки были актуальны для представителей высшего сословия, высших военных чинов, что прослеживается по записям о заключении брака в Перми, Кунгуре и Осе в 1897 г. [12, л. 97—138; 13, л. 163—188; 14, л. 112—139].

Наряду с достаточно высоким средним возрастом вступления в брак (SMAM) в ряде городов, например в Кунгуре и Шадринске, Красноуфимске и Осе, данный показатель был ниже. Более ранний возраст вступления в брак мог быть характерен для представителей классических городских сословий. Так, по записям о браках православных соборов Перми, Кунгура и Осы у мещан зафиксировано больше ранних первых браков, в особенности среди женщин, а также купеческие дочери могли раньше выходить замуж [12, л. 97—138; 13, л. 163—188; 14, л. 112—139]. Кроме того, самый низкий процент никогда не вступавших в брак представительниц классических городских сословий свидетельствует о данной тенденции (рис. 4).

По мнению современников, ранние браки способствовали высокой рождаемости, что могло влиять на увеличение бедности, хотя, с другой стороны, воспроизводство служило источником пополнения «рабочей силы» [35, с. 96]. Как отмечал автор рассказа «Неудачник» В. А. Игнатъев, живший в конце XIX века в Перми, среди городских обывателей (в первую очередь среди мещан) на Урале были приняты следующие негласные установки для девушек — выходить замуж в 18—19 лет. Героиня рассказа вышла замуж в 18 лет за другого, «не дождавшись» любимого молодого человека [15, л. 5].

Заключение

Таким образом, показатели брачности мужчин и женщин на рубеже XIX—XX вв. варьировали в разных уездных городах Пермской губернии и во многом могли быть связаны с условиями модернизационных изменений в городской среде. Доли холостых и незамужних в составе населения брачного возраста были достаточно высокими, особенно среди молодежи. В совокупности высокие доли мужчин и женщин, никогда не вступавших в брак, наблюдались в первую очередь в крупных для региона центрах модернизации — Перми и Екатеринбурге, куда съезжалось много молодежи, но также и в небольших городах, например в Соликамске и Чердыни, где статистика по не вступавшим в брак увеличивалась за счет более возрастного населения, в первую очередь среди женщин старше 40 лет.

В Ирбите отличия параметров брачности от большинства городов определялись в первую очередь значением города как общероссийского центра ярмарочной торговли, для обслуживания и участия в которой съезжалось население окрестных уездов или других

российских губерний. Здесь отмечалась наиболее высокая доля незамужних девушек, в особенности крестьянок. Большое число мужчин, задействованных в деятельности Ирбитской ярмарки (преимущественно из крестьян), также влияло на параметры брачности — на понижение расчетного среднего возраста вступления в брак (SMAM) мужчин и уменьшение доли холостых.

В уездных городах по сравнению с уездами наблюдалась тенденция более позднего вступления в брак, среди мужчин SMAM выше, чем среди женщин. Разница в целом была близка к значениям по городам Европейской России. При этом средний возраст вступления в брак среди горожанок Пермской губернии был более высоким, чем в городах Европейской России, у мужчин, наоборот, немного ниже. Примечательно, что значения SMAM по Перми и Екатеринбургу, относившихся по численности к категории средних городов, были ближе к значениям среднего возраста вступления в брак по крупным российским городам.

Горожане в основной массе вступали в брак в более позднем возрасте, нежели минимально разрешенный по российскому закону (16 лет для девушек и 18 лет для юношей). Распределение женихов и невест региона по возрастным категориям в 1897 г. дает нам представление, что чаще всего городские невесты вступали в брак в возрасте 20 лет и младше, 21—25 лет; женихи — в 21—25, 26—30 лет. При этом характерно, что в отличие от уездов в городах доли вступавших в брак старше 25 лет были выше.

Никогда не вступавшие в брак горожане составляли более существенную категорию населения уездных городов Пермской губернии в отличие от уездов. Кроме того, наиболее высокий уровень окончательного безбрачия в городах выявлен среди женщин, что соответствует тенденциям модернизации и урбанизации в российских городах в целом.

Актуальность временного безбрачия могла быть очевидной для мигрантов из-за сложных материальных условий в городе. Нарушение механизма передачи семейных традиций с уходом сельской молодежи в города могло также предполагать жизнь девушек и юношей вне брака, самостоятельную жизнь и более поздний срок создания собственной семьи. На наш взгляд, данные изменения в жизни горожанок, в том числе крестьянок, могут определенно указывать на эмансипацию. Очевидно, что часть крестьянок рассматривала свою жизнь в городе как временное явление. Кроме того, крестьянские женщины, у которых не получилось благополучно устроиться в городе и встретить спутника жизни, вынуждены были возвращаться домой.

Городская среда в целом предполагала демократизацию отношений в молодежной среде, меньшую ориентированность на родственные связи. И несмотря на трудности, города, в особенности развитые торгово-промышленные центры, предоставляли женщинам больше возможностей быть экономически независимыми, что выступало важным фактором изменения демографического поведения горожанок, в частности увеличения возраста вступления в брак.

В городах возникали новые тенденции в реализации женщины в общественном пространстве в русле процессов женской эмансипации: например, среди представительниц высшего сословия, интеллигенции, обладавших более высоким социальным статусом. Получение образования девушками способствовало изменениям их жизненных стратегий, и, как следствие, повышался возраст вступления в брак. Для мужчин, при традиционно более высоком возрасте создания семьи в отличие от женщин, причинами откладывания вступления в брак становилось стремление достичь более высокого положения в обществе, обеспечить материально себя и будущую семью.

Несмотря на высокие доли живших вне брака, значительна доля горожан, состоявших в браке. Горожане стремились вступать в брак, на что могут указывать коэффици-

енты брачности в большинстве городов, в первую очередь в Перми. Среди мужчин доли состоявших в браке были выше, чем среди женщин. Наибольшая разница наблюдалась в крестьянской среде. Отходничество, предполагавшее проживание в городах женатых крестьян без семьи (когда жена с детьми оставались дома), являлось фактором, влиявшим на данную ситуацию. У мужского населения из крестьян процент состоявших в браке наиболее высок. Для крестьянок в городах процент состоявших в браке существенно ниже, чем среди мужчин из их сословия, но был высоким среди горожанок. Вероятно, часть крестьянок приходила в город вместе с мужьями, вместе с тем много незамужних представительниц этого сословия выходило здесь замуж.

Представительницы классических городских сословий вместе с крестьянками составляли большинство замужних горожанок. Более низкий средний возраст вступления в брак и достаточно высокие доли состоявших в браке наблюдались в большинстве малых городов региона: например, среди женщин в Кунгуре, Красноуфимске, а также у всего населения в Шадринске, Осе и Камышлове, что может свидетельствовать о большем влиянии традиционных взглядов на брак и сравнительно благоприятных условиях для создания семьи в первую очередь у представителей классических городских сословий. Данные факторы, очевидно, больше влияли на понижение возраста вступления в брак среди женщин. Низкий возраст вступления в брак женщин мы наблюдаем, например, в таких купеческих городах, как Кунгур и Шадринск.

Повторные браки в городах у женщин происходили гораздо реже, чем у мужчин — мужчины имели больше возможностей вступать в повторные браки. Кроме того, более низкие доли вдовцов могут быть связаны с более низкой продолжительностью жизни мужчин. Среди представителей высшего сословия и классических городских сословий отмечались самые высокие проценты вдов, самые низкие — среди крестьянок. В Екатеринбурге проживало наибольшее количество вдов и вдовцов; в Перми количество и доля данной категории населения были ниже. В городах в целом по сравнению с уездами была меньшая доля вдовцов и существенно более высокая доля вдов.

Разводы в уездных городах Пермской губернии были редким явлением. Соотношение разводов к количеству населения в большинстве городов ниже общероссийского показателя; причем среди женщин выше, чем среди мужчин. По количеству и соотношению разведенных лидировали Пермь, Екатеринбург и Ирбит. Больше всего разведенных в общем количестве мужского населения насчитывалось в Перми. В Ирбите самым высоким было соотношение разведенных женщин. Наиболее высокое соотношение разводов имело место среди крестьянок, что, вероятно, отражало определенные тенденции переезда разведенных женщин из сельской местности в города подальше от пересудов родни и соседей, а также нежелание (или невозможность) вступать в повторный брак. Решение развестись могло приниматься женщиной в зависимости от ее возможности вернуться в родительский дом, финансовой независимости (как, например, у дворянок), влияния демократических представлений о браке и перспективы впоследствии вести самостоятельную жизнь. С другой стороны, развод мог быть следствием влияния «двойных стандартов» по отношению к женской и мужской сексуальности.

Список источников

1. Алферова Е. Ю. Социально-экономическое развитие городов Урала в 60—90-е гг. XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1992. 21 с.
2. Араловец Н. А. Городская семья в России, 1897—1926 гг.: Историко-демографический аспект. М. : Ин-т рос. истории, 2003. 232, [1] с.

3. Белякова Е. В. Церковный брак и развод в России XIX века. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/zer_brak_i_razvod.htm (дата обращения: 22.08.2022).
4. Бернштейн А. Н. Вопросы половой жизни в программе семейного и школьного воспитания. СПб. : [Б. и.], 1908. 31 с.
5. Борисов В. А., Синельников А. Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М. : НИИ семьи, 1995. 117 с.
6. Бурлуцкая (Банникова) Е. В. Сословный состав городского населения Оренбургской губернии и социографические характеристики его женской составляющей по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 2 (26). С. 105—120. URL: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/7_26_2018.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2018.26.7.
7. Виноградов С. О причинах безбрачия в США // Уральская жизнь. 1914. № 17.
8. Вишнякова Д. В. Брачная структура населения города Усть-Сысольска (по материалам переписи 1897 года) // Историческая демография. 2015. № 1 (15). С. 8—11.
9. Главацкая Е. М., Бобицкий А. В., Заболотных Е. А., Вишневская А. В. Брачность в Екатеринбурге начала XX в.: квантитативный анализ // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 3 (190). С. 104—121. DOI: 10.15826/izv2.2019.21.3.050.
10. Голод С. И. Эмансипация сексуальности в России на рубеже XIX—XX вв. // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 69—79.
11. Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX — начала XX в. Барнаул : Изд-во АГУ, 2002. 384 с.
12. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 37. Оп. 6. Д. 349.
13. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 781.
14. ГАПК. Ф. 719. Оп. 7. Д. 178.
15. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 409.
16. Движение населения в Европейской России за 1897 год. СПб. : Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1900. [2], XVI, 211 с.
17. Демографическая модернизация России. 1900—2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М. : Новое издательство, 2006. 608 с.
18. Кон И. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М. : Время, 2010. 464 с.
19. Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 4. М. : Юрид. лит., 1967. 528 с.
20. Кончаковская Н. Б. Девичество горожанок Перми и Екатеринбурга в конце XIX — начале XX века (в контексте повседневности) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 32—40. DOI: 10.17223/19988613/58/4.
21. Котлова Т. Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX—XX вв. 1890—1914: на материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний : дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 2003. 411 с.
22. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд., испр., доп. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.
23. Морозов С. Д. Мужчины и женщины России на рубеже XIX—XX вв.: тенденции брачности // Женщина в российском обществе. 2012. № 2. С. 9—15.
24. Обзор Пермской губернии за 1897 год. Пермь : Типо-лит. Пермского губ. правления, 1898. 142 с.
25. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XXXI. Пермская губерния. СПб. : Тип. Т-ва Художественной печати, 1904. 301 с.
26. Полное собрание законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. Законы гражданские. СПб., 1895. 244 с.
27. Пушкарева Н. Л. «Дерзкие и беспокойные» («Женская история» России 1801—1905 гг.: формы социальной активности) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 52—66.
28. Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А. Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX — начала XX в. // Женщина в российском обществе. 2016. № 3 (80). С. 73—89.
29. Решетников Ф. М. Между людьми. Повести, рассказы и очерки. М. : Современник, 1985. 525 с.
30. Статистические сведения о Пермской губернии // Ежегодник Пермского губернского земства и календарь на 1914. Пермь : Электро-тип. Пермского губ. правления, 1914. 168, 61 с.
31. Тольц М. С. Брачность населения России в конце XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М. : Статистика, 1977. С. 138—153.
32. Туркин А. Как они сговорились : Рассказы и повести дореволюционных писателей Урала. Т. 2. Свердловск : Свердловское кн. изд-во, 1956. 434 с.

33. Шаламова С. А. Специфика семейного положения молодежи губернских и областных центров Восточной Сибири в конце XIX — начале XX в. (по материалам Переписи 1897 г.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2011. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. С. 377—380.
34. Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX и XX веков. М., 1996. 571 с.
35. Янжул И. И. Отчет за 1885 год фабричного инспектора Московского округа проф. И. И. Янжула. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1886. 119, 114 с.
36. Engel B. A. *Between the Fields and the City: Women, Work, and Family in Russia, 1861—1914*. Cambridge, 1994. 254 p.
37. The singulate mean age at marriage // *Population studies. Manual X. Indirect techniques for demographic estimation*. 1983. N 81. P. 225—230.
38. Hajnal J. Age at marriage and proportion marrying // *Population studies*. 1953. N 2. P. 111—136.

References

1. Alferova E. Yu. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie gorodov Urala v 60—90-e gg. XIX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Socio-economic development of the cities of the Urals in the 60—90s 19th century. Abstr. Cand. Dis.]. Sverdlovsk, 1992. 21 p. (In Russian)
2. Aralovets N. A. *Gorodskaya sem'ya v Rossii, 1897—1926 gg.: Istoriko-demograficheskii aspekt* [Urban family in Russia, 1897—1926: Historical and demographic aspect]. Moscow, In-t ros. istorii Publ., 2003. 232, [1] p. (In Russian)
3. Belyakova E. V. *Tserkovnyi brak i razvod v Rossii XIX veka* [Church marriage and divorce in 19th century Russia]. Available at: http://www.orthedu.ru/ch_hist/zer_brak_i_razvod.htm. Accessed: 22.08.2022. (In Russian)
4. Bernshtein A. N. *Voprosy polovoi zhizni v programme semeinogo i shkol'nogo vospitaniya* [Questions of sexual life in the program of family and school education]. St. Petersburg, 1908. 31 p. (In Russian)
5. Borisov V. A., Sinel'nikov A. B. *Brachnost' i rozhdaiemost' v Rossii: demograficheskii analiz* [Marriage and fertility in Russia: a demographic analysis]. Moscow, NII sem'I Publ., 1995. 117 p. (In Russian)
6. Burlutskaya (Bannikova) E. V. Soslovnyi sostav gorodskogo naseleniya Orenburgskoi gubernii i sotsiograficheskie kharakteristiki ego zhenskoi sostavlyayushchei po dannym Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [Urban population of the Orenburg Governorate according to the Russian Imperial Census of 1897, its social estates and its female population characteristics]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2018, no. 2 (26), pp. 105—120. Available at: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/7_26_2018.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2018.26.7. (In Russian)
7. Vinogradov S. O prichinakh bezbrachiya v SShA [On the causes of celibacy in the United States]. *Ural'skaya zhizn'*, 1914, no. 17. (In Russian)
8. Vishnyakova D. V. Brachnaya struktura naseleniya goroda Ust'-Sysol'ska (po materialam perepisi 1897 goda) [The marriage structure of the population of the city of Ust-Sysolsk (based on the 1897 census)]. *Istoricheskaya demografiya*, 2015, no. 1 (15), pp. 8—11. (In Russian)
9. Glavatskaya E. M., Bobitskii A. V., Zabolotnykh E. A., Vishnevskaya A. V. Brachnost' v Ekaterinburge nachala XX v.: kvantitativnyi analiz [Nuptiality in Early 20th Century Yekaterinburg: Quantitative Analysis]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki — Izvestia. Ural Federal University Journal. Ser. 2. Humanities and Arts*, 2019, vol. 21, no. 3 (190), pp. 104—121. DOI: 10.15826/izv2.2019.21.3.050. (In Russian)
10. Golod S. I. Emansipatsiya seksual'nosti v Rossii na rubezhe XIX—XX vv. [Emancipation of sexuality in Russia at the brink of 19th and 20th centuries]. *Sotsiologicheskie issledovaniya — Sociological Studies*, 2009, no. 9, pp. 69—79. (In Russian)
11. Goncharov Yu. M. *Gorodskaya sem'ya Sibiri vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.* [Urban family of Siberia in the second half of the 19th — early 20th centuries]. Barnaul, AGU Publ., 2002. 384 p. (In Russian)
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia* [State Archive of the Perm Territory] (GAPK). F. 37. Op. 6. D. 349.
13. GAPK. F. 37. Op. 6. D. 781.
14. GAPK. F. 719. Op. 7. D. 178.
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti* [State Archive of the Sverdlovsk Region]. F. R-2757. Op. 1. D. 409.
16. *Dvizhenie naseleniya v Evropeiskoi Rossii za 1897 god* [Population movement in European Russia in 1897]. St. Petersburg, Tsentral'nyi statisticheskii komitet Ministerstva vnutrennikh del, 1900. [2], XVI, 211 p. (In Russian)

17. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii. 1900—2000* [Demographic modernization of Russia. 1900—2000]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006. 608 p. (In Russian)
18. Kon I. *Klubnichka na berezke: seksual'naya kul'tura v Rossii* [Strawberries on a birch: sexual culture in Russia]. Moscow, Vremya Publ., 2010. 464 p. (In Russian)
19. Koni A. F. *Sobranie sochinenii: v 8 t. T. 4* [Collected works. In 8 vols. Vol. 4]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1967. 528 p. (In Russian)
20. Konchakovskaya N. B. Devichestvo gorozhanok Permi i Ekaterinburga v kontse XIX — nachale XX veka (v kontekste povsednevnosti) [The girlhood among townswomen of the Perm province at the end of XIX — the beginning of the XX-th century (in the context of daily occurrence)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2019, no. 58, pp. 32—40. DOI: 10.17223/19988613/58/4. (In Russian)
21. Kotlova T. B. *Rossiiskaya zhenshchina v provintsial'nom gorode na rubezhe XIX—XX vv. 1890—1914: na materialakh Vladimirovskoi, Kostromskoi, Yaroslavskoi gubernii: dis. ... d-ra ist. nauk* [Russian woman in a provincial town at the turn of the 19—20th centuries. 1890—1914: on the materials of the Vladimir, Kostroma, Yaroslavl provinces. Dr. Dis.]. Ivanovo, 2003. 411 p. (In Russian)
22. Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii. T. 1. Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. 3-e izd.* [Social history of Russia in the period of the empire. Vol. 1. Genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law. 3rd ed.]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003. 548 p. (In Russian)
23. Morozov S. D. Muzhchiny i zhenshchiny Rossii na rubezhe XIX—XX vv.: tendentsii brachnosti [Men and women of Russia at the turn of XIX—XX centuries: trends of marriages]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve — Woman in Russian Society*, 2012, no. 2, pp. 9—15. (In Russian)
24. *Obzor Permskoi gubernii za 1897 god* [Overview of the Perm province for 1897]. Perm, Tipolit. Permskogo gub. pravleniya Publ., 1898. 142 p. (In Russian)
25. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD. T. XXXI. Permskaya guberniya* [The first general census of the population of the Russian Empire. Edition of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. Vol. XXXI. Perm province]. St. Petersburg, Tip. T-va Khudozhestvennoi pechati Publ., 1904. 301 p. (In Russian)
26. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. T. X. Ch. 1. Zakony grazhdanskie* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. X. Part 1. Civil laws]. St. Petersburg, 1895. 244 p. (In Russian)
27. Pushkareva N. L. “Derzkie i bespokoinye” (“Zhenskaya istoriya” Rossii 1801—1905 gg.: formy sotsial'noi aktivnosti) [“Bold and Restless” (“Women’s History” of Russia 1801—1905: forms of social activity)]. *Otechestvennaya istoriya*, 2002, no. 6, pp. 52—66. (In Russian)
28. Pushkareva N. L., Mitsyuk N. A. Modernizatsiya reproduktivnogo povedeniya obrazovannykh rossiyanok vtoroi poloviny XIX — nachala XX v. [Modernization of reproductive behavior of noblewomen in the second half of XIX — the beginning of the XX c.]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve — Woman in Russian Society*, 2016, no. 3 (80), pp. 73—89. (In Russian)
29. Reshetnikov F. M. *Mezhdru lyud'mi. Povesti, rasskazy i ocherki* [Between people. Novels, short stories and essays]. Moscow, Sovremennik Publ., 1985. 525 p. (In Russian)
30. Statisticheskie svedeniya o Permskoi gubernii [Statistical information about the Perm province]. *Ezhegodnik Permskogo gubernskogo zemstva i kalendar' na 1914* [Yearbook of the Perm province and calendar for 1914]. Perm, Elektro-tip. Permskogo gub. pravleniya Publ., 1914. 168, 61 p. (In Russian)
31. Tol'ts M. S. Brachnost' naseleniya Rossii v kontse XIX — nachale XX v. [Marriage of the population of Russia in the late XIX — early XX century]. *Brachnost', rozhdaiemost', smertnost' v Rossii i SSSR* [Marriage, fertility, mortality in Russia and the USSR]. Moscow, Statistika Publ., 1977, pp. 138—153. (In Russian)
32. Turkin A. *Kak oni sgovorilis': Rasskazy i povesti dorevolyutsionnykh pisatelei Urala. T. 2* [How they agreed: Stories and tales of pre-revolutionary writers of the Urals. Vol. 2]. Sverdlovsk, Sverdlovskoe kn. izd-vo Publ., 1956. 434 p. (In Russian)
33. Shalamova S. A. Spetsifika semeinogo polozheniya molodezhi gubernskikh i oblastnykh tsentrov Vostochnoi Sibiri v kontse XIX — nachale XX v. (po materialam Perepisi 1897 g.) [The specifics of the marital status of young people in provincial and regional centers of Eastern Siberia in the late 19th — early 20th centuries. (Based on the materials of the 1897 Census)]. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik. 2011* [Irkutsk historical and economic yearbook. 2011]. Irkutsk, BGUEP Publ., 2011, pp. 377—380. (In Russian)
34. Engel'shtein L. *Klyuchi schast'ya. Seks i poiski putei obnoveniya Rossii na rubezhe XIX i XX vekov* [Keys of happiness. Sex and the search for ways to renew Russia at the turn of the 19th and 20th centuries]. Moscow, 1996. 571 p. (In Russian)
35. Yanzhul I. I. *Otchet za 1885 god fabrichnogo inspektora Moskovskogo okruga prof. I. I. Yanzhula* [Report for 1885 of the factory inspector of the Moscow district prof. I. I. Yanzhul]. St. Petersburg, Tip. V. Kirshbauma Publ., 1886. 119, 114 p. (In Russian)

36. Engel B. A. *Between the Fields and the City: Women, Work, and Family in Russia, 1861—1914*. Cambridge, 1994. 254 p.

37. The singulate mean age at marriage. *Population studies. Manual X. Indirect techniques for demographic estimation*, 1983, no. 81, pp. 225—230.

38. Hajnal J. Age at marriage and proportion marrying. *Population studies*, 1953, no. 2, pp. 111—136.

Информация об авторе

Н. Б. Кончаковская — методист, соискатель

Information about the author

N. B. Konchakovskaya — Methodologist, Candidate for a degree

Статья поступила в редакцию 31.08.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2023; принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 31.08.2022; approved after reviewing 08.02.2023; accepted for publication 20.02.2023